

## О ПАНТЕЛЕЕВЕ Г. Р. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ПАНТЕЛЕЕВ Георгий Родионович, родился в 1891. Окончил гимназию, с 1906 — после смерти отца стал давать уроки, в 1909 — окончил реальное училище, работал конторщиком. В 1910 — поступил в Политехнический институт в Санкт-Петербурге, через год арестован и выслан из Санкт-Петербурга, работал конторщиком в Ростове-на-Дону. В 1917 — окончил Новочеркасский Политехнический институт; работал заведующим вентиляцией на Рыковском руднике в Донбассе; с 1919 — в Инспекции по топливу в Харькове, затем вернулся на Рыковский рудник, работал заведующим горных работ. С 1922 — заведующий Гладковского рудника; с 1924 — Горловского рудника № 8; с 1926 — проживал в Ленинске-Сибирь, работал инженером, затем главным инженером Ленинского рудоуправления Треста Кузбас-Уголь. 12 июня 1928 — арестован как «участник шахтинской контрреволюционной организации». 24 сентября 1928 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Вишерлаг.

В сентябре 1929 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена, Нина Васильевна Пантелеева.

<28 сентября 1929>

«Е. П. ПЕШКОВА»

ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ  
МОСКВА. Кузнецкий мост 24.

ПАНТЕЛЕЕВОЙ Нины Васильевны,  
проживающей в городе  
РОСТОВЕ-на-Дону по  
Никольскому переулку, № 79.

### ЗАЯВЛЕНИЕ

5-го Августа сего года лично мною была подана в КОМИТЕТ письменная просьба, оказать содействие комитета в смысле ходатайства перед органами ОГПУ о переводе моего мужа, горного инженера Георгия Родионовича ПАНТЕЛЕЕВА из ВИШЕРСКИХ ЛАГЕРЕЙ, где он находился, на работы по его специальности, т.е. горного инженера, в какой-либо из угольных районов С.С.С.Р.

Письмом своим от 2-го сентября 29 года № П. 161, КОМИТЕТ уведомил меня о нижеследующем:

“В ответ на Ваше обращение сообщаю, что согласно справки, полученной из ОГПУ, муж Ваш, Георгий Родионович ПАНТЕЛЕЕВ, будет направлен в АБХАЗИЮ на работу по специальности”.

Одновременно с этим, т.е. с 27-го августа сего года рабочими и партийными организациями Рыковского рудника, где муж мой работал горным инженером в течении 7-ми лет, и где рабочие знают его отлично, был командирован в МОСКВУ специально для этой цели выбранный представитель рабочих, товарищ КАРТАМЫШЕВ, с протоколом Общего собрания рабочих и Шахтерского комитета и заявлением на имя ОГПУ, с просьбой о переводе мужа к ним на рудник. Копии этих документов для Вашего сведения при сем прилагаю.

Представитель рабочих товарищ КАРТАМЫШЕВ был дважды принят Начальником ЭКО ОГПУ товарищем ПРОКОПЬЕВЫМ, 30-го августа и 4-го сентября, и ему было обещано, в крайнем случае, в течение недели рассмотреть этот вопрос по возможности в благоприятную сторону и затем уведомить рабочих о результате их ходатайства.

Ввиду того, что ни рабочими Рыковского рудника, ни мужем, ни мною ни от кого никаких уведомлений до сих пор не получено, настоящим вновь позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшей просьбой, — навести справки в ОГПУ о положении дела мужа в смысле его перевода и уведомить меня по адресу:

РОСТОВ Н<а> Д<ону>, НИКОЛЬСКИЙ ПЕРЕУЛОК № 79. Нине Васильевне ПАНТЕЛЕЕВОЙ, — за что заранее выражаю Вам мою глубочайшую благодарность.

Почтовые марки на ответ, заказным порядком при сем прилагаю.  
Н. Пантелеева.

Сентября 28-го дня 1929 г<ода>»<sup>1</sup>.

*К письму было приложено заявление Георгия Родионовича Пантелеева в Особое Совецание при Коллегии ОГПУ.*

«В ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ  
ПРИ КОЛЛЕГИИ ОГПУ

г<ород> Москва

Заключенного ВИШЕРСКОГО концлагеря  
Георгия Родионовича ПАНТЕЛЕЕВА.

З А Я В Л Е Н И Е

12-го Июня 1928 года я был арестован органами Кузнецкого Отдела ОГПУ в г<ороде> Ленинске-Сибирь, где занимал должность Главного Инженера Ленинского рудоуправления Треста Кузбас-Уголь, и мне было предъявлено обвинение в том, что я состоял членом шахтинской контрреволюционной организации "на основании показаний инженера Братановского и других". Постановлением особого совещания от 24/IX-28 г<ода> (дело № 64084) я выслан сроком на 5 лет в Вишерский лагерь, — несмотря на категорическое отрицание принадлежности к таковой организации и представления ряда документов, характеризующих меня как добросовестного и честного работника. Следствие по моему делу велось очень односторонне; совершенно не учитывались те достижения, которые имело Ленинское рудоуправление за последние два года, <в> 1926-28 г<одах> (когда я принял руд<оведе>ние); производственные неполадки и технические ошибки были признаны вредительскими, — причем, были поставлены в вину не только мои прямые промахи, но ошибки отдельных заведующих цехов (несущих персональную ответственность) и даже промахи и нераспорядительность самого правления треста Кузбас-Уголь; не была принята во внимание моя девятилетняя работа (с 1917 г<ода>) в Донбассе; как на производстве, так и на общественных выборных должностях; не выполнено мое категорическое требование очной ставки с инж<енером> Братановским для уличения его во лжи, тем более, что инж<енер> Братановский никакого касательства к тому району, где я служил в Донбассе, не имел, и я с ним соприкасался только в течение 3-х месяцев в 1920 году, когда служил Зав<едующим> шахтой на Буразовском руднике, где он был главным инженером, и с тех пор, до момента ареста никогда с ним не встречался.

В то время, как все участники шахтинской организации продавались за деньги, мне было на следствии заявлено, что я работал в этой области "идеологически", бесплатно, причем, вредить стал только в 1926 г<оду>, когда переехал в Сибирь. Насколько верно заключение моего

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 390. С. 159. Машинопись, подпись — автограф.

следователя, можно судить по моей биографии: родился я в 1891 году в г<ороде> Ростове на Дону в семье певчего в хоре, который зарабатывал 35 руб<лей> в месяц, имея семью в 5 человек, из всей семьи только мне удалось поступить в Реальное училище, где за хорошие успехи я учился бесплатно; остальные брат и сестра остались безграмотными; в 1904 году умирает отец, и семья остается совершенно без средств и продолжает существование, взяв столовников. С 1906 года начал давать уроки и тем поддерживать немного себя и свою семью. В 1909 году окончил Реальное училище и, не имея средств продолжать учение, поступил конторщиком в Главное счетоводство ВЛК жел<езной> дороги, где прослужил 1 год; в 1910 году поступил в Ленинградский Политехнический Институт, но в 1911 году, во время студенческих забастовок, был арестован на одной сходке и после двухнедельной отсидки выслан из Ленинграда и Москвы; в мае 1911 года поступил в Контроль сборов ВЛК жел<езной> дороги конторщиком в г<ород> Ростове н<а> Дону, где прослужил 1 год и в 1912 г<оду> поступил в Новочеркасский Политехнический Институт, который и окончил в 1917 г<оду>, пробиваясь все время уроками. В июне 1917 г<ода> поступил заведующим вентиляцией на Рыковский рудник (Сталино) в Донбассе, где после Октябрьского переворота был выбран членом Совета Рабочих и Кр<естьянских> Депутатов от № 4 и в Совете — Председателем Совета; кроме того, был избран председателем рабочего Правления и одно время был председателем кооператива.

После занятия Белой армией райсовета, подвергался со стороны властей обыскам и репрессиям, но несмотря на это, все же рискуя собственной жизнью, спас от виселицы двух большевиков, т<оварищей> КАРТАМЫШЕВА и ХРЫКИНА, рабочих нашего рудника, — что подтверждено резолюцией общего собрания рабочих и ком<мунистической> ячейки ВКП (б) Рыковского рудника от 1922 г<ода> февраля мес<яца>, подлинник которой имеется в деле.

В 1919 году был уволен администрацией рудника, как неблагонадежный элемент и поступил в Инспекцию по топливу в г<ороде> Харькове, где прослужить удалось только 2 м<еся>ца, так как был опознан полк<ов-ником> Вячесловым, нач<альником> контрразведки, стоявшем на нашем руднике, и арестован, отпущен был под поручительство инж<енера> Пятницкого, который служил в отд<еле> торг<овли> и пром<ышленности>, и уехал в Марьевский район. С 1920 г<ода> мая м<еся>ца вернулся обратно на Рыковский рудник зав<едующим> горн<ых> раб<от>, где прослужил до 1922 г<ода>, в самый трудный период, работая по 16 ч<асов> в сутки по восстановлению производства, — за свою работу был местной прессой отнесен к героям труда, что также подтверждено общим Собранием рабочих ком<мунистической> ячейки, — подлинник в деле. С 1922 <по> 1924 г<од> заведовал Гладковским рудником при р<еке> Ветка; с 1924-1926 г. заведовал рудн<иком> № 8 Горловского р<удоуправле>ния, и за все время своей службы имел самые лучшие отзывы со стороны руководителей рудоуправлений (подлинники имеются в деле), а также лучшие взаимоотношения с проф<союзами> и парт<ийными> организациями. С 1926 г<ода> переехал в Сибирь и, по заключению следствия, на основании показаний инж<енера> Братановского, — стал вредить, что безусловно является большой ошибкой, так как нет никаких предпосылок к тому, чтобы вдруг переменилась моя идеология. Наоборот, во время моей работы в Ленинском р<удоуправле>нии за два года производительность рудоуправления как по добыче, так и на рабочего — поднялась вдвое (с 18.000.000 до 36.000.000 пуд<ов>).

В деле имеется книга моих распоряжений, как главного инженера, где зафиксировано более 500 распоряжений, которые исключительно

направлены на всемерное улучшение продукции, повышение производительности — экспертиза может легко установить, есть ли хотя одно распоряжение, которое можно рассматривать как вредительство. За два года работы в Ленинске были всегда лучшие отношения с тех<ническим> персоналом и организациями; все производственные планы и программы, составленные мною, всегда проходили через И<нженерно>-Т<ехнических> С<отрудников>, руд<ничный> ком<итет> и производственные совещания без существенных поправок. В деле имеется ряд протоколов технических совещаний, где ни разу не отмечалось моих неправильных действий или ошибок. В 1927 году в сентябре м<еся>це я подавал заявление об освобождении меня от обязанностей главного инженера, но правление треста не отпустило меня, как хорошего и полезного работника и представило 1½ месячный отпуск. В мае м<еся>це 1928 г<ода> я обратно заявил об уходе, ввиду усталости и сильной перегруженности. Но правление треста своим протокольным заседанием не нашло возможным отпустить меня, а дало 2-х месячный отпуск и предложило перейти заведовать производственным отделом треста, рассматривая, таким образом, меня как очень ценного работника, несмотря на происшедшие неполадки на Ленинской шахте. Такое же отношение ко мне было и со стороны партийных организаций, — секретарь Кузнецкого Округкома партии Новиков просил остаться в р<айо>не и обещал поддержку всех организаций.

Из технических неполадок на Ленском рудоуправлении, в которых мною были допущены некоторые промахи, что повлекло за собой до 30.000 убытков, есть затопление Ленской шахты на 10 дней и прорыв старого пожара в этой же шахте (пожар с 1920 г<ода>). По этим неполадкам были созваны специальная экспертная комиссия из И<нженерно>-Т<ехнических> С<отрудников>, которая представила акт причин этого затопления; комиссия не обнаружила виновности главного инженера (акт имеется в деле) и вредительства. Окружная Комиссия Р<абоче>-К<рестьянской> И<нспекции> с представителем Р<абоче>-К<рестьянской> И<нспекции> из Новосибирска детально обследовала затопление Ленинской шахты и на общем собрании рабочих разбирала этот вопрос; ряду лиц вынесено соответствующее наказание, в том числе мне — "выговор с занесением в личное дело".

Проведение одной только узкоколейки для вывозки угля с Ленинской шахты, по моей инициативе, дало за год экономии 60.000 руб<лей>.

И достаточно было заявления инж<енера> Братановского, запятнавшего уже себя, чтобы в моих неполадках найти элементы вредительства и предъявить мне такое тяжкое обвинение, — совершенно не считаясь с моим прошлым, моей прежней всей работой, моим категорическим отрицанием своей вины и моим требованиям, дать мне возможность доказать свою невиновность, — считая показание Братановского продолжением вредительства с его стороны.

На основании вышеизложенного ходатайствую о пересмотре дела, изменении статьи обвинения, меры наказания, так как ни в каких организациях не состоял и о существовании шахтинцев узнал только по газетным сведениям; все мое прошлое и производственная и общественная работа, начиная с 1917 г<ода>, вполне характеризует меня, как честного специалиста.

Ходатайствую дать мне возможность продолжать свою работу по своей специальности, где я принесу значительно больше пользы, чем в настоящее время. Для выяснения истины ходатайствую о снятии показаний с инженера Александра Николаевича БАХТИАРОВА, являющегося активным членом шахтинской организации Горловского и Щербиновского района, где он был групповым директором от Дон-Угля, а я

заведовал руд<ником> № 8 в Горловке, и который может подтвердить мою непричастность к этой вредительской группе; также снять показания с б<ывшего> главного инженера Рудников Юго-Стали в Сталино Константина Андреевича КУЗНЕЦОВА, который оказался также видным активным членом этой организации и который может подтвердить мою непричастность к организации, поскольку я служил под его руководством в течение 6 лет и он меня хорошо знает; и снять показания с горного техника СОСНОВА Георгия Акимовича, служащего в настоящее время в Горловском рудоуправлении Донбасс, который работал у меня старшим штейгером на руд<нике> № 8 в Горловке и заведующим Техническим Бюро в Ленинском рудоуправлении и который может подтвердить все мои требования к техническому персоналу, направленные исключительно к повышению производительности, улучшению нашего производства, так как все испытал на себе.

Заключенный Вишерского концлагеря,  
горный инженер:

1929 г<ода>»<sup>2</sup>.

*В 1930-1931 — о смягчении участи Георгия Родионовича Пантелеева не раз обращались за помощью в Помполит<sup>3</sup>, в 1933 — он был освобожден и вернулся во Владивосток, работал главным инженером Райчихинского рудника комбината "Дальтрансуголь". 26 ноября 1937 — арестован, 26 апреля 1938 — приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян<sup>4</sup>.*

---

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 390. С. 279-281. Машинопись.

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 487. С. 48-50; Д. 534. С. 179, 181; Д. 726. С. 85-86; Д. 1709. С. 165-167.

<sup>4</sup> Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.